

УДК 343.359.2

ДОВЕРИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ГОСУДАРСТВУ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Е.Е.Тонков

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

Рассматриваются основные факторы, препятствующие эффективному противодействию преступности в России, среди которых важное место занимает низкий уровень доверия населения к органам власти, в том числе к правоохранительной системе. Он обусловлен тем, что в государстве на общем фоне правового нигилизма населения, падения престижа норм морали и права, законности и справедливости активно разрастаются метастазы бездуховной потребительской психологии общественных отношений, коррупции, ориентации на бесцеремонное разрушение прежних идеалов при отсутствии общественно ценных эталонов поведения. Показано, что в результате основная часть населения не готова связать решение своих проблем с приоритетной политической идеологией и проявить адекватную социально-правовую активность.

Ключевые слова: доверие, правовой нигилизм, преступность, безопасность, криминогенность, латентность, коррупция.

Фундаментом совместной деятельности государства и общества по противодействию преступности является взаимное доверие в рамках справедливого социального обмена. По мнению П. Блау, социальный обмен «вовлекает факторы, создающие диффузные будущие обязательства, не специфицированные четко, при которых природа возврата не может оговариваться, но по большей части оставлена на усмотрение того, кто его осуществляет» [1, 38].

Природа вознаграждения неизменно не оговаривается заранее, но может быть предметом взаимодействия. Осуждение поспешной взаимности стимулирует рост доверия за счет того, что граждане остаются под действием обязательств перед государством на протяжении длительного периода, чем сохраняется определенная лояльность и создаются предпосылки для повышения уровня социально-правовой активности общества.

Высшая компетентность государства при этом состоит в осознании границ своих полномочий и степени влияния на общество на уровне стабильных партнерских отношений между населением и органами государственной власти.

Современные социальные исследования выделяют три уровня доверия. Минимальный уровень представляет доверие человека к самому себе, внутреннюю легитимацию индивидуального мнения и поведения; другой уровень доверия основан на личном опыте отношений человека с иной личностью; третий уровень – институциональное доверие, определяемое отношением человека к государству, его политическим, экономическим, социальным институтам. К сожалению, в российском обществе доверие нередко не преодолевает даже индивидуальный уровень.

Ведущую роль доверия общества к государству отмечали представители классической немецкой социологии М.Вебер и Г. Зиммель, называя его одной из наиболее важных синтезирующих сил [2,3].

Правовые границы, определяющие пределы допустимого поведения, основываются на степени опасности и характере отклонения действий от приемлемых для данного общества социальных стандартов. Эффективность норм, в совокупности составляющих систему правового регулирования, определяется правильностью выбора специальных требований, установленных законодателем, уточнении и детализации перечня правовых ограничений.

Основные факторы, формирующие предпосылки прогрессирующего развития преступности, вопреки распространенному мнению, в большей части обусловлены не низкой эффективностью работы правоохранительных органов, а совсем другими причинами. Несмотря на то, что их неудовлетворительная деятельность по обеспечению безопасности населения оказывает отрицательное влияние на распространенность криминальных проявлений, однако в первую очередь речь должна идти о нравственном и социально-психологическом состоянии самого социума. При формировании государственной политики следует исходить из того, что именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл законов, их содержание и применение.

Как справедливо подчеркивает Ю.А. Веденеев, демократия – это не столько совокупность институтов и норм или институционально и юридически оформленная структура власти, сколько культура мотивированного участия граждан в ее организации и функционировании, способность и желание быть «полноценными и полноправными субъектами политики и государственного управления» [4, 33].

На общем фоне правового нигилизма населения, невиданного ранее падения престижа норм морали и права, законности и справедливости активно разрастаются метастазы бездуховной потребительской психологии общественных отношений, ориентации на бесцеремонное разрушение прежних идеалов при отсутствии общественно ценных эталонов поведения.

Несмотря на пропагандируемый ангажированными политиками и средствами массовой информации социальный оптимизм (особенно усиливающийся по мере приближения президентских выборов), на самом деле общество пока так и не смогло найти достойных эквивалентов утраченных иллюзий, не сумело заменить их адекватными по значимости для большей части населения ориентирами, способными выполнить роль объединяющего фактора и стимула к прогрессивному движению. Эта задача уже длительное время безуспешно требует своего решения, для чего необходимо создание в обществе новой морально-психологической ситуации. В противном случае духовно-нравственный вакуум и неопределенность перспектив приведут нас в сети, умело расставляемые апологетами «твердой руки» и возврата в консервативное прошлое.

Как вынужден был признать Президент России В.В. Путин, обращаясь к членам Государственного совета, в стране продолжает сохраняться «идеологический вакуум, образовавшийся после крушения коммунистической идеологии» [5].

К сожалению, население не всегда готово связать решение своих проблем с той или иной политической идеологией. Во многом это обусловлено сохраняющейся неразвитостью независимости политических партий, не ставшими пока политическими акторами, которые могли бы инициировать и корректировать конструктивный диалог власти и общества.

По удачному замечанию Г.В. Мальцева, в современных общественно-политических условиях государство зачастую не способно обеспечить реализацию стратегии индоктринации – идеологического воспитания граждан и пропаганды идей, обеспечивающих добровольное принятие власти [6, 32].

Преодоление локализации доверия является одной из важных задач современного российского общества, как и других государств, переживающих трансформационные процессы. Процветание безнаказанной преступности стало одной из основных причин возникновения в обществе психологического дискомфорта, чувства незащищенности и постоянной опасности. Росту в обществе нигилистических настроений по отношению к деятельности правоохранительных органов во многом способствует латентная преступность.

Время от времени государством предпринимаются робкие попытки к восстановлению деформированных звеньев системы социального контроля и организации ее деятельности, исходя из новых реалий. Одним из достаточно сложных барьеров на данном пути является падение авторитета правоохранительных органов, утрата доверия и

уважения к ним со стороны преобладающего большинства населения. Этот феномен обусловлен неудовлетворенностью обществом не столько содержанием и объемом компетенции, сколько качеством правоохранительной деятельности, которое переживало процесс перманентного снижения на протяжении длительного времени.

С целью сдерживания нарастающей волны преступности специалисты и ученые пытаются выявить ее причины. Некоторые из них в качестве основных причин роста преступности видят ухудшение экономических условий, другие – рост детской безнадзорности и беспризорности, третьи – культ насилия, господствующий в работе средств массовой информации, четвертые – недостатки действующего законодательства, пятые – нестабильность общественного устройства и т.д.

Безусловно, данные причины оказывают влияние на состояние правосознания, но крайне затруднительно с достаточной долей уверенности только этим объяснить распространение преступности, особенно среди молодежи. Можно предположить существование определенных социальных закономерностей, обусловленных переходом российского общества в качественно новое состояние и способствующих росту преступности.

Интеграция экономики, включая ее техническое совершенствование, повлекла за собой и побочное следствие – интеграцию нелегальной экономики. Криминал активно использует интеграционные процессы для усиления своего влияния на мировое пространство. Большинство исследователей отмечает высокий уровень организованности преступности, которая рассматривается криминальными структурами прежде всего с точки зрения экономических интересов.

Сыграла свою роль естественная либерализация правовых барьеров – следствие общей гуманизации правового режима на постсоветском пространстве. Только в конце девяностых годов в России начала формироваться адекватная сегодняшним условиям и международным стандартам система уголовно-правового законодательства, но этот процесс развивается медленно, равно как не организовано эффективное правоприменение существующей юридической базы.

Криминализация стала в России своеобразной «платой за свободу», следствием глобального «социального аутсайдерства», когда многие люди оказываются вне существующего общества, выталкиваются из него. Это происходит в результате дефектности социализации, которая приобрела стихийный, неуправляемый характер. Российское общество утратило систему социального контроля над процессом становления подрастающего поколения, многие традиционные институты социализации, такие как семья, школа, детские и молодежные организации теряют свое значение, а на смену им, кроме «пешковских» университетов улицы или псевдореволюционных «наших», ничего не пришло.

В результате процесс социализации носит все более негативный характер, граждане испытывают духовный прессинг криминального мира и его ценностей в большей степени, чем позитивное влияние институтов гражданского общества.

Отличительной особенностью современного состояния преступности в России является значительный рост проявлений криминальной агрессии. Известно, что агрессия имеет как внешнюю, так и интрасубъектную направленность. Интрасубъектная направленность агрессии прежде всего выражается в суициде. В России в последние годы на 100 тыс. населения совершалось 60-70 самоубийств, что в 3-3,5 раза превышает среднемировой уровень суицида, установленный Всемирной организацией здравоохранения. Криминальное проявление агрессии выражается прежде всего в таких формах насилия как умышленные убийства, причинения тяжкого вреда здоровью.

Тенденция развития уровня преступности в прошедшие десятилетия неуклонно и ускоренно ухудшалась, и ее современный уровень (с количественной точки зрения) вовсе не является неожиданностью. За период с 1960 по 2000 гг. коэффициент преступности в России удваивался каждые 15 лет, и если эта тенденция сохранится, то уже через 60 лет

Россию ожидает криминологический коллапс: большинство ее взрослого мужского населения будет причастно к преступности.

Анализ насильственной преступности свидетельствует о таких негативных тенденциях, как рост жестокости, широкое использование огнестрельного оружия, распространение заказных убийств, учащение случаев захвата заложников и, наконец, проявление агрессии как самоцели.

Характеристика преступности в России позволяет выделить негативные тенденции, имеющие общенациональное значение:

- Количественный рост преступности в целом.
- Значительное увеличение в структуре преступности доли тяжких и особо тяжких преступлений.
- Существенное изменение мотивации противоправного поведения (широкое распространение корыстных преступлений).
- Преобладание среди преступников лиц без постоянного источника дохода, что тесно связано с резкой дифференциацией населения по имущественному положению, обусловленной продолжающимися кризисными социально-экономическими процессами.
- Увеличение относительного удельного веса преступности несовершеннолетних.

Приведенный анализ показывает, что криминогенная ситуация в России остается сложной. Законопослушное население страны не ощущает своей безопасности, не чувствует себя защищенным от преступных посягательств, что отражается на общем климате доверия по отношению к государству.

Правоохранительные органы в государственном механизме занимают специфическое место в силу возложенных на них задач по борьбе с преступностью, охране общественного порядка, обеспечению безопасности граждан. Для этого они наделены особыми государственно-властными полномочиями, подкрепленными необходимыми средствами и методами принуждения, приемами силового воздействия на правонарушителей вплоть до применения огнестрельного оружия.

Данная деятельность неизбежно сопряжена с вторжением при необходимости в личную жизнь человека, что обуславливает исключительную остроту вопроса о негативном отношении населения к правоохранительным органам и низкой степени доверия к ним. В правоохранительных органах обыватель, в основном, усматривает только силу, которая должна противостоять преступности. Борьба с преступностью задает основные содержательные и структурные параметры деятельности правоохранительных органов, а то, что оказывается за рамками борьбы с преступностью, воспринимается уже как менее значимое.

Узкий диапазон осознания только репрессивного значения функций правоохранительных органов инициирует прогрессирующий рост их отчужденности от общества. Проблема заключается в непонимании большей части населения того, что органы правопорядка не определяют состояние правоотношений и уровня преступности. Правовая ситуация определяется не только уровнем профессионализма и добросовестностью сотрудников, а в первую очередь уровнем развития общества, материальным благополучием граждан, их нормативной и ценностной культурой. Нарушение законов, несоблюдение элементарных прав и свобод человека, массовый произвол должностных лиц, коррупция, рост преступности свидетельствуют о низкой правовой культуре всего общества.

Поэтому постановка методики оценки деятельности правоохранительной системы «в зависимости от изменений в динамике и структуре преступности справедлива лишь в условиях социальной стабильности, когда процесс криминализации общества не характеризуется частыми и стремительными изменениями» [7, 43].

Правоохранительная система не заинтересована показывать реальное состояние преступности, поскольку нередко это влечет негативные последствия для ее

руководителей. В результате возникает парадоксальная ситуация, когда укрытие преступлений от учета, произвольное манипулирование статистикой составляют положительные факторы для органов государственной власти, выстраивают фундамент для иллюзорного движения вперед по пути укрепления безопасности и правопорядка.

Задачи, функции, средства и процедуры их реализации определяют касающийся практически всех граждан России объем коммуникаций, взаимоотношений правоохранительных органов и населения. Это подтверждает наше предположение о том, что правоохранительные органы по разнообразию регулирующих, контролирующих, разрешающих и профилактических функций являются самым дифференцированным и действительно ближайшим к населению звеном государственной власти. Современное состояние преступности не может быть достаточно объективно оценено без анализа ее латентной составляющей.

Латентная преступность представляет реальную, но скрытую или незарегистрированную часть фактически совершенных преступлений. Элементная база латентности в литературе классифицируется по-разному. Мы полагаем, что в основе классификации должен присутствовать, прежде всего, механизм образования латентной преступности. По этому признаку латентная преступность содержит три составные части:

✓ *незаявленные преступления* — те, которые были совершены, но потерпевшие, свидетели, должностные лица и другие граждане, в отношении которых они совершены, очевидцами которых они были или о которых они осведомлены, не сообщили об этом в правоохранительные органы;

✓ *неучтенные преступления* — те, о которых правоохранительные органы были осведомлены (имели поводы и основания к регистрации преступления и возбуждения уголовного дела), но они их не зарегистрировали и не расследовали;

✓ *неустановленные* преступления — те, которые были заявлены и зарегистрированы, но в силу субъективных причин (халатности или недостаточного желания оперативных и следственных работников, их слабой профессиональной подготовки, ошибочной уголовно-правовой квалификации и иных причин) в фактически совершенном деянии не было установлено событие или состав преступления.

Масштабы латентной преступности достоверно установить невозможно, поэтому они определяются путем применения различных социологических, статистических и аналитических методик (сравнительный анализ взаимосвязанных показателей уголовной статистики; сопоставление сведений уголовного учета с данными административных и дисциплинарных нарушений, с данными медицинских учреждений об оказании помощи по поводу телесных повреждений, со статистикой жалоб, заявлений, писем граждан в правоохранительные и другие государственные органы; опросы граждан, осужденных и заключенных; экспертные оценки специалистов и др.).

Принято считать, что чем серьезнее категория преступлений, тем ниже для нее *коэффициент латентности*. По некоторым международным исследованиям незаявленные преступления составляют около 50% и более от фактически совершенных. По отдельным видам деяний эта доля может быть намного большей.

Незаявленные преступления обусловлены различными причинами:

- недоверием граждан к правоохранительным органам;
- неверием населения в их способность пресечь преступление и привлечь виновных лиц к реальной ответственности;
- опасением мести со стороны преступников;
- нежеланием огласки факта преступления;
- заключением компромиссной сделки с преступником;
- тем, что пострадавший не осознает себя жертвой преступления.

Незарегистрированные преступления носят общемировой характер, но в силу исторических и иных причин они особо широко распространены в странах с недостаточно

развитой социально-экономической базой, в том числе в большинстве государств бывшего СССР.

Общий уровень скрываемых правоохрнительными органами преступлений оценивается в пределах 30% и более от заявленных, что подтверждают результаты нашего исследования, выполненного в рамках международного российско-украинского проекта «Доверие милиции и латентная преступность» [8, 215-270].

Причин и поводов к фальсифицированному учету много:

- ✓ ложная демонстрация милицией и другими правоохрнительными органами своей способности контролировать преступность;
- ✓ неспособность этих органов справиться с растущей преступностью;
- ✓ уклонение от трудно раскрываемых уголовных дел;
- ✓ кадровая и техническая неукомплектованность правоохрнительной системы;
- ✓ слабая профессиональная подготовка сотрудников;
- ✓ широко распространенные злоупотребления и коррупция во властных структурах и др.

Уровень зарегистрированных, но по вине дознавателей, следователей и прокуроров неустановленных преступлений колеблется в пределах 10-12% числа учтенных. Они распределены в материалах об отказе в возбуждении уголовного дела, растворены в прекращенных уголовных делах за отсутствием события или состава преступления и даже в делах с оправдательными приговорами. С уголовно-правовой точки зрения эта часть латентной преступности в значительной мере является формально законной. С криминологической позиции, реально совершенные, но не доказанные деяния не перестают быть латентными преступлениями.

Наличие латентной преступности свидетельствует о том, что состояние государственной статистики о зарегистрированной преступности нельзя признать удовлетворительным. Общество и государство, далеко не в полной мере зная действительную криминологическую обстановку в стране, не могут принять адекватных мер по контролю над преступностью. Латентная преступность, кроме того, является серьезным криминогенным фактором, детерминирующим дальнейшее расползание преступности. Более того, наличие высокой латентной преступности существенно нарушает права человека. Если учесть, что ежегодно в России реально совершается около 12 млн. преступлений, а регистрируется около 3 млн., то можно себе представить сколько лиц, фактически совершивших преступления, не привлекаются к уголовной ответственности и сколько граждан, реально пострадавших от преступлений, не получают от государства необходимой правовой защиты.

Снижение уровня латентной преступности и систематический мониторинг её (во многих развитых странах наряду с учетом преступности регулярно отслеживается уровень и характер *виктимизации* населения) позволяет разрабатывать и принимать меры борьбы с преступными проявлениями.

По данным В.Н. Кудрявцева, латентная преступность в России составляет примерно 4:1, то есть на одно зарегистрированное преступление приходится четыре незарегистрированных [9, 6].

Время от времени незаявленные латентные преступления регистрируются в форме так называемых дополнительно выявленных в ходе расследования преступлений. Таких преступлений в последние годы выявляется около полумиллиона. По мере учета эти преступления переходят в разряд зарегистрированных. Часть преступлений, входивших в категорию незаявленных латентных, обнаруживаются в ходе оперативно-розыскной деятельности и, будучи выявленными, тем не менее, не всегда регистрируются.

Значительный интерес представляет феномен «искусственной латентности». Именно из-за распространенного явления укрытия заявлений о криминальных проявлениях, в последние годы десятки миллионов потерпевших в состоянии стресса и с надеждой найти

защиту и справедливость безрезультатно обращаются в правоохранительные органы, и многие из обратившихся встречаются здесь с равнодушием и обманом.

По мнению некоторых криминологов (С.С. Горяинов, Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский) весь массив латентных преступлений по способу укрытия разделяется на два неравных по величине блока:

- блок латентности, связанной с ошибками учета (перверсионная латентность);
- блок преступлений, ставших латентными в связи с полным укрытием от учета заявлений и сообщений о преступлениях [10, 4].

Рассматривая масштабы институционально обусловленной (искусственной) латентности, связанной, главным образом, с укрытием заявлений и сообщений о преступлениях от учета, следует признать, что фактически ежегодно правоохранительными органами в отношении многих граждан в России осуществляется противодействие их доступу к правосудию и средствам моральной и имущественной компенсации.

Соккрытие от учета заявлений и сообщений о преступлениях путем фальсификации регистрационных документов является хотя и наиболее распространенной, но не самой квалифицированной операцией, позволяющей регулировать статистику и пополнять уровень искусственной латентности. Дело в том, что вопрос о возбуждении уголовного дела и постановке преступления на учет решается после юридической оценки обстоятельств, имеющих в заявлении, и прилагаемых к нему материалов.

При этом юридическая оценка в действительности зависит и от квалификации оценивающего, и от корпоративных интересов соответствующих органов, от давления вышестоящих установок, касающихся раскрываемости, как главной оценки качества работы, от интересов карьеры и т.п. Именно из подобных оценок и установок складывается «регистрационная политика» в субъектах федерации, которая во многом определяется и мнением главы администрации региона.

По данным статистики и по оценкам специалистов, общее количество заявлений и материалов о преступлениях, по которым в возбуждении уголовного дела отказывается по всем указанным в законе основаниям, в последние годы составляет 65% от числа возбужденных уголовных дел, однако в отдельных регионах количество отказных материалов достигает 140-150% от числа зарегистрированных преступлений. При этом почти по 80% материалов в возбуждении уголовного дела отказывается за отсутствием события или состава преступления. Практика «увлечения» отказными материалами доходит до того, что в некоторых регионах тот массив заявлений, по которому субъектом проверки не было усмотрено события или состава преступления, в 1,4 раза превышает количество зарегистрированных преступлений.

Потенциальной средой для развития деструктивных явлений в правоохранительной деятельности представляется развитая тенденция отказов в возбуждении уголовного дела по признаку малозначительности совершенного деяния. В соответствии с п. 2 ст. 14 УК РФ «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству» [11].

Комментарий к этой статье разъясняет, что вопрос о признании того или иного деяния малозначительным – это вопрос факта и находится в компетенции следствия и суда, а уголовное дело о таком деянии не должно быть возбуждено. Превратно истолковывая законодательство, недобросовестные работники правоохранительных органов по многим совершенным преступлениям выносят постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, ссылаясь на их малозначительность. Данная тенденция, по мнению заместителя начальника Следственного комитета при МВД России Б.Я. Гаврилова, «представляется весьма опасной, поскольку решение об отказе в возбуждении уголовного дела нередко

направлено на укрытие преступлений от учета, в результате чего нарушаются конституционные права граждан на доступ к правосудию» [12, 26].

О неправомочности юридической квалификации и надуманном характере многих решений милиции об отказе в возбуждении уголовных дел свидетельствует тот факт, что ежегодно прокуратурой отменяются десятки тысяч постановлений о подобных отказах, возбуждаются уголовные дела, и преступления (как правило, остающиеся нераскрытыми) регистрируются. Есть и еще некоторые формы искусственной латентности, в частности, той ее части, которая названа перверсионной, т.е. связанной с искажением отчетности. Смысл этих искажений состоит в том, что умышленно или в силу несовершенства правил учета регистрируется не объективная информация, а ее паллиатив. Так, вместо преступлений, большая часть которых не раскрыта (т.е. отсутствуют подозреваемые), учитываются некоторые события, в которых преступления не усматриваются (отказные материалы).

Одним из распространенных вариантов искажения учета является практика регистрации некоторых групп преступлений не по всем ставшими известными криминальным эпизодам, а лишь по тем, в которых преступника, например, удастся задержать с поличным. К такого рода преступлениям относится, в частности, сбыт наркотиков. По оценкам специалистов, такого рода избирательный учет, помогая сохранять или даже повышать уровень раскрываемости преступлений, добавляет в общий массив искусственной криминальной латентности по меньшей мере еще около 300 тыс. преступлений.

Формой перверсионной латентности, трудно поддающейся количественной оценке, является такая учетная политика, когда умышленно, с целью искусственно увеличить показатель раскрываемости более тяжких преступлений и тем самым завуалировать реальное состояние преступности, регистрируются менее тяжкие преступления, как правило, остающиеся нераскрытыми.

Существующие критерии оценки оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов, на основании которых производится ее анализ, не могут служить основой для достоверной характеристики реальной криминогенной обстановки, что в полной мере осознается руководством ведомств. Факты нарушений, допускаемые при регистрации и учете преступлений, расцениваются как один из самых серьезных недостатков в оперативно-служебной деятельности. По наведению порядка в этом направлении предпринимаются достаточно жесткие меры, которые, однако, дают весьма незначительные результаты.

Попытки выстроить объективную систему оценки деятельности правоохранительных органов были начаты еще в СССР и предпринимаются уже не один год. Как отмечал еще А.А. Герцензон, отчетность должна быть оперативной, т.е. отвечать задачам реагирования на изменения преступности, а не создаваться для истории [13, 95].

С тех пор прошло много лет, но до сих пор правоохранительная система работает «на показатели», подменяя цели своей основной деятельности целью адаптации к отчетности. Очевидно, что решение этой проблемы невозможно без искоренения порочной практики укрытия преступлений от учета, необоснованных прекращения и отказов в возбуждении уголовных дел, других нарушений законности, допускаемых при раскрытии и расследовании преступлений. Не секрет, что подобные негативные явления в значительной мере порождены существующим многие десятилетия подходом к оценке, основанным на проценте раскрываемых преступлений.

Правоохранительным органам России пока не удалось выработать систему критериев, которая бы в равной степени устраивала специалистов и широкую общественность, отвечала бы требованиям времени. При выработке таких критериев в качестве главных направлений должны рассматриваться обеспечение общественной безопасности, защита прав и свобод граждан. Правоохранительные органы не могут

отделять себя от общества, так как сами представляют собой часть общества, со всеми присущими ему недостатками.

Вместе с тем, правоохранительные органы обязаны освободиться от недостатков с более высокими, опережающими темпами, иначе они ни морально, ни физически не смогут успешно обеспечивать защиту законопослушного населения.

Критерии оценки должны реально, а не на словах стимулировать возвращение доверия народа к государству. На рост преступности в России, как и на всем постсоветском пространстве, оказывает влияние не только слабость правоохранительной системы, но и ее традиционная ориентированность на приоритет защиты интересов государства и общественной собственности, а не прав и свобод личности.

Уровень преступности, как известно, директивами и приказами не снижается. Вот почему степень эффективности борьбы с преступностью целесообразно определять не количественным анализом массива совершенных преступлений, а интенсивностью и качеством их раскрытия, привлечением к ответственности организаторов преступных групп. Правоохранительная система органически вплетена в социальную жизнь общества. Поэтому ни сама правоохранительная деятельность, ни ее эффективность, ни используемые для ее оценки критерии и показатели не могут стать объективно направленными вне связи с социальными реалиями, интересами и потребностями населения.

Одним из приоритетных направлений противодействия преступности представляется минимизация фактов укрытия преступлений от учета. Фактически невозможно обеспечить эффективную борьбу с преступностью, если не иметь адекватного представления о реальных масштабах ее распространения.

Экстраполируя современные тенденции преступности России, криминологи (В.М. Баранов, Ю.В. Баулин, С.С. Горяинов, О.А. Колобов, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев) высказывают опасение, что преступность приближается «к национальному порогу качественного и количественного насыщения», что именно преступность сейчас реально выступает едва ли не важнейшим препятствием демократических преобразований, поскольку «политическая и экономическая свобода не может существовать с петлей преступности на шее» [14, 5].

Существует мнение, что демократия и либерализм оказываются крайне неэффективными в противодействии преступности, успешное противостояние которой представляется как рациональная, хорошо организованная работа каждой личности, общества и государства. К обеспечению организации такой деятельности необходимо привлечь максимум воли и ресурсов, а также национальный и межгосударственный опыт борьбы с преступностью.

Изученный нами международный опыт показывает, что реальное противодействие преступности возможно лишь при условии, когда все общество, а не только правоохранительные органы становятся субъектом осуществления соответствующей государственной политики. Принимая во внимание прогнозируемый рост преступности, следует отметить, что ресурсные (прежде всего кадровые) возможности и квалификация правоохранительных органов должны также возрастать темпами, опережающими рост преступности. Пока состязание с криминалом государство проигрывает, поэтому достаточно актуальной представляется задача получения объективной криминологической картины ситуации в обществе и оценки реальных возможностей в противодействии преступности.

Настроение общества, как и любое другое социальное настроение, не отличается стабильностью, однако это не лишает его внутренней готовности к сопротивлению обстоятельствам. У населения появилось явно выраженное чувство стремления к покою, безопасности, что выражается в обращении к силе, которая сможет защитить население от произвола, правового беспредела [15].

Характер взаимоотношений между государственными органами и населением представляет собой один из значимых индикаторов социально-политической ситуации в стране. Незаконные действия сотрудников органов государственной власти в отношении прав и свобод личности или даже пренебрежительное отношение воспринимаются гражданами очень остро и болезненно.

Проблемой выступает и то, что подчас государство не только неэффективно выполняет свои функции, но и само нарушает права граждан. Факты беззакония в деятельности властных структур опасны не только тем, что причиняют непосредственный вред конкретному лицу, но и порождают правовой нигилизм общества. Люди теряют уверенность в своей защищенности государством.

Последние десятилетия развития страны не изменили к лучшему характер отношений граждан к государству, а напротив, усугубили его. Криминогенное влияние таких факторов, как социально-экономическое расслоение, очевидные проявления первоначального накопления капитала в форме массового обмана населения, рост бедности, безработицы с одновременным ростом несправедливо нажитого богатства на другом полюсе, рухнувшее и с трудом воссоздаваемое правовое поле, прерванные экономические и организационные связи, «растворение» элементов культурной инфраструктуры ухудшили криминогенную ситуацию.

До сих пор ни одно общество не достигло идеала верховенства права. Для этого не просто необходимо, чтобы в распоряжении общества имелись совершенные законы, но и чтобы государственные органы последовательно руководствовались ими в своей работе. Как справедливо подчеркивает Т.А. Эндикотт, достижению верховенства права, в первую очередь, может помешать нарушение норм закона должностными лицами [16, 316].

Рассогласование взаимодействия граждан и государства, являющееся итогом ошибочной, ориентированной на параметры государственной самооценки внутренней политики, находит свое выражение не только в росте преступности, но и в поведении законопослушных граждан, в их реакции на криминальные проявления, в оценках способности государства обеспечить общественную безопасность.

Это ставит перед государством задачу разработки системы мер по взаимодействию с населением, начиная от индивидуальной работы с обратившимся за помощью и заканчивая влиянием на общественное правосознание. Специфика современной российской действительности формирует предпосылки создания общегосударственной системы противодействия наркотизации.

Как отмечает В.Н. Кудрявцев, «мировой опыт свидетельствует о том, что профилактическая работа – дело не только государственных органов; во многих странах, да и у нас имеется неиспользованный резерв общественных, самодетельных, в том числе благотворительных организаций, которые могли бы часть работы принять на себя» [17, 198].

Отсутствие объективной возможности уничтожить преступность вызывает необходимость поиска иных технологий противодействия ей, пусть менее эффективных, но более эффективных. Целесообразно активизировать на уровне самого общества постоянный отпор криминалу, сопровождаемый системной, мощной, идеологически выверенной информационно-пропагандистской кампанией, не только направленной на все социальные слои населения, но и предполагающей их непосредственное включение в эту работу.

Поэтому вполне актуальными представляются не только интенсификация работы властных структур, но также поиск и использование новых форм и методов решения проблем взаимодействия государства с населением, научная разработка путей дальнейшего совершенствования стратегии противодействия преступности именно на этой основе.

Список литературы

1. Blau P. Exchange and Power in Social Life. – N.Y.: Wiley, 1986. – P.IX. – P.38.
2. Simmel G. Conflict and the Web of Croup Affiliations. – Glencoe, Ill, 1955.
3. Weber M. Wirtschaft und Gesammelte. – Tub., 1922.
4. Веденеев Ю.А. Политическая демократия и электоральная правовая культура граждан // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 33 – 37.
5. Известия. – 2006. – 27 декабря.
6. Мальцев Г.В. Понимание права: подходы и проблемы. – М., 1999.
7. Скоморохов Р., Шиханов В. Значимость статистических сведений о состоянии преступности // Законность. – 2004. – №8. – С. 42-44.
8. Доверие населения милиции и латентная преступность: взгляд украинских и российских исследователей. – Харьков: Финарт, 2002.
9. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. – М.: Форум-инфра-М, 1998.
10. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кондратьев Л.В. Улучшение взаимодействия граждан и милиции: доступ к правосудию и система выявления, регистрации и учета преступлений: Научный доклад. – М: Центр содействия правосудию, 2001.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. – № 25. – 1996. – Ст. 2954.
12. Гаврилов Б.Я. Проблемы регистрации и учета преступлений // Закон и право. – 2004. – №9. – С.26-28.
13. Герцензон А.А. Советская уголовная статистика: Учебное пособие для институтов советского права и юридических курсов. – М.: Полиграфкнига, 1935.
14. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. – М.: Норма, 1997.
15. Ермаков В.Г., Зубова О.В. Ограничение конституционных прав граждан при государственно-правовом регулировании борьбы с терроризмом: Монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004.
16. Endicott T.A. Impossibility of the rule of law // Oxford j. of legal studies. – 1999. – Vol. 19, № 2. – P. 312-330.
17. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования. – М.: ФОРУМ-ИНФРА, 1998.

POPULATION'S TRUST TO THE STATE AS NECESSARY CONDITION OF EFFECTIVE OPPOSITION CRIMINALITY

E.E. Tonkov

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

The article deals with the main factors, preventing from effective opposition to criminality in Russia, among which the low level of population's trust to authorities, including the law system, takes an important place. It is connected with the fact that in the atmosphere of law nihilism of population, loss of prestige of rules of morals and law, lawfulness and justice consumer psychology of public relations, corruption, unceremonious destruction of former ideals are spreading throughout the state. It is shown that the main part of population is not ready to connect the solution of their problems with the priority political ideology and display appropriate social and legal activity. Key words: trust, law nihilism, criminality, criminogenic situation, latency, corruption.

